

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ЕДИНИЦ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

The results of experimental study of emotional meaning of 44 Russian words is presented together with the discussion of the main problems arising in investigating emotions and their verbal representations. Among them are listed emotion taxonomy, conscious and unconscious levels of emotional information processing, specific character of emotional meaning and terminology. Psycholinguistic approach to the word as a special unit of mental lexicon allows to view its emotional meaning as a complex (continuum) of affective experiences connected with the particular word. In this context the main feature of emotional meaning is its indivisibility. This means that all its components function as a complex and depend on each other; they function at different levels of consciousness, and are to a different degree influenced by social and cultural factors. This approach gives the opportunity to fix and describe the emotional meaning of a word by experimental methods.

В рамках исследования слова как единицы индивидуального лексикона и средства доступа к единой информационной базе человека (см.: [Залевская 1990]) нельзя не учитывать факторы, связанные с взаимодействием эмоций и языка. Число работ, так или иначе затрагивающих проблемы эмотивности/эмоциональности слова (о разграничении терминов “эмотивность” и “эмоциональность” как элементов терминологических систем разных научных парадигм см.: [Мягкова 1988]) за последние годы значительно возросло (ср., например, количество работ по указанной проблематике в [Симпозиум X] и [Симпозиум XII]). Повышенный интерес к эмоциональной сфере человека со стороны лингвистов вполне оправдан: поскольку эта сфера пронизывает все стороны нашего существования, она должна оставлять свой след и в языке. Здесь, впрочем, возникает целый ряд вопросов, способных обескуражить даже достаточно опытного и искушенного исследователя. Например, что именно мы ищем, когда пытаемся выявить наличие “следов” эмоций в языковых структурах? Что вообще мы имеем в виду, используя термин “эмоция” в выражениях типа “категоризация эмоций средствами языка”?

Несмотря на то, что предпринимаются попытки систематизированного описания единиц языка, выражающих или называющих эмоции (см., например: [Бабенко 1989], [Шаховский 1987], [Фомина 1996], а также обзоры: [Мягкова 1990], [Перфильева 1997]) авторы вкладывают в содержание этого понятия весьма разнообразные смыслы. Эти смыслы могут быть обусловлены, с одной стороны, научной парадигмой, в рамках которой работает исследователь (например, лингвистической или психолингвистической), а с другой стороны – сложностью и противоречивостью самого исследуемого феномена. Как отмечает В.И.Шаховский, “любая языковая личность знает, что такое эмоция, но ее научная дефиниция еще никому не удавалась из-за расплывчатости самого концепта, принадлежащего ряду смежных с лингвистикой наук” [Шаховский 1996: 29]. Сам автор при этом считает целесообразным “более или менее наивное понимание эмоций как специфической формы человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языкового отражения в лексиконе и речевой деятельности человека” [Op. cit.].

Вполне логично, что в поисках теоретического обоснования для своих проектов авторы лингвистических и психолингвистических исследований эмотивности/эмоциональности языка обращаются к психологии эмоций. Здесь, однако, также возникает целый ряд проблем.

Прежде всего, оказывается, что психология эмоций не располагает единой теорией эмоциональных явлений, и многие авторы сам термин “эмоция” трактуют по-разному.

Например, в качестве основных понятий рассматриваются так называемые “аффективные состояния”, или “глобальные настроения”, имеющие качественные характеристики возбуждения или депрессии; центральной характеристикой таких состояний настроения является их “диффузность и нефокусированность” [Ellis & Ashbrook 1988: 58]. Эмоции при этом трактуются как “более специфические реакции на конкретные события”, они имеют идентифицируемую причину, определенный момент возникновения и относительно небольшую длительность. “Язык позволяет нам сказать, что мы боимся “чего-то” или сердимся “на что-то”, но мы бываем только “в” настроении волнения, счастья или печали. Настроения могут быть результатом серии умеренно приятных или неприятных событий, ни одно из которых может не быть достаточно интенсивным, чтобы само по себе вызвать эмоцию, но которые в совокупности оставляют человека в обще позитивном или негативном состоянии настроения. Следовательно, настроения не всегда имеют легко идентифицируемую причину. Они могут возникать постепенно и имеют тенденцию продолжаться дольше, чем эмоции” [Op. cit.]. Очень важно также, что настроения могут развиваться как остаточные явления специфической эмоции, после того как интенсивность эмоции снижается, а ее причина больше не находится в фокусе внимания ([Op. cit.]; см. также: [Schwarz & Clore 1988]). Процитированная выше работа является также примером исследований, в которых отмечается связь настроений и эмоций с языком: “Менее дифференцированная природа настроений отражена в том, что в языке, по-видимому, имеется меньше слов для обозначения настроений, чем для обозначения эмоций. /.../ Это наводит на мысль, что информационная ценность конкретных эмоций более ограничена, чем информационная ценность глобальных настроений” [Ellis & Ashbrook 1988: 59].

Возможна и несколько иная трактовка терминов: “*Аффект* обозначает недифференцированное возбуждение, которое может быть эмоциональным или вызываться другими физиологическими процессами... Более конкретный термин *настроение* относится к состоянию чувствования (например, сердитый, счастливый, печальный)... Термин *эмоция* используется ... для обозначения кратковременных настроений. Настроения и эмоции нередко имеют общую характеристику в том, что они возникают как реакция на оценку” [Mayer & Salovey 1988: 88]. Психологический словарь (см.: [Хомская, Батова 1998: 10]) дает следующее определение: “эмоции (от латинского *emoveo*- волную, потрясаю) – это особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности”. Е.Д.Хомская и Н.Я.Батова считают это определение неполным, так как “оно не отражает ряд существенных характеристик эмоций и их отличие от познавательных процессов, а именно: а) не отражена связь эмоций с бессознательной сферой, б) их отношение к деятельности (а не жизнедеятельности) человека, в) специфика их возникновения, г) закономерности их функционирования и др.” [Хомская, Батова 1998: 11]. Кроме того, “в “эмоциональную сферу” человека входят, по-видимому, различные типы эмоциональных явлений, такие как “эмоциональный тон ощущений”, эмоциональная реакция (или эмоциональный процесс), эмоциональные состояния, эмоционально-личностные качества. Каждый из этих типов эмоциональных явлений характеризуется своими закономерностями формирования, функционирования и распада, что нельзя не учитывать при построении общепсихологической концепции эмоций” [Op. cit.]. В “Кратком психологическом словаре” [1985:407-408] обозначенные приведенными выше терминами понятия располагаются в ином соотношении: от *эмоционального тона ощущений* как простейшей формы эмоций через *аффект* к

высшему продукту развития эмоций человека – *чувствам* и *страстям*. *Настроения* же рассматриваются здесь как изменения общего эмоционального фона. Качественными характеристиками эмоций являются знак (положительный или отрицательный) и модальность (удивление, радость, отвращение и др.).

Как указывает В.К.Вилюнас, “парадоксально, но в современной психологии эмоций не разработан даже вопрос об ее *объекте*. В эмоциональной сфере отражения можно обозначить своего рода ядро, состоящее из “очевидных” эмоциональных состояний, таких, как страх, гнев, радость, которые обычно и служат предметом проводимых исследований. За пределами этого ядра границы круга явлений эмоциональной природы остаются крайне расплывчатыми” [Вилюнас 1989: 50].

В целом история исследования эмоций всегда была непосредственно связана с преобладающей на разных этапах развития психологии тенденцией исследования психических явлений. Поэтому в психологии эмоций сама трактовка понятия (или термина – как мы видим, во многих случаях сами эти слова употребляются как синонимы) *эмоция* может быть различной в зависимости от теоретических оснований конкретного исследования. Традиционно определение основных понятий и классификация эмоций связываются с физиологическими коррелятами эмоций и выражениями лица (в рамках общей тенденции поиска физиологических оснований психических явлений), с языковыми коррелятами (в рамках общих представлений о системности, отражаемой средствами естественного языка) и т.п. (см. по этому поводу обзоры: [Мягкова 1990], [Kövecses 1990], [Ungerer 1995] и др.).

В последние годы проблеме эмоций уделяется огромное внимание в рамках когнитивных исследований. Н.Бранскомб справедливо отмечает, что основное затруднение при разработке вопросов, связанных с пониманием аффекта, когниции и их взаимоотношений, составляет разграничение того, что понимается под эмоцией и когницией [Branscombe 1988]. По мнению автора, принципиальная разница в определениях когниции и эмоции состоит в степени внимания к типу обрабатываемой в каждом случае информации: если когниция обычно понимается как ряд внутренних процессов, задействованных в овладении, хранении, преобразовании и поиске информации (при этом *тип* информации не учитывается), то в определениях эмоции, напротив, обычно упоминается тип стимула или информации, которые продуцируют эмоцию. Сама же Н.Бранскомб убеждена, что “аффект и когниция не могут быть поняты, если они рассматриваются в изоляции: их необходимо исследовать в соотношении с другими свойствами интеллекта” [Op. cit.: 5], и приходит к выводу, что “аффект и когниция не являются независимыми и не обусловлены фундаментально отличными механизмами; скорее всего, они обусловлены сознательными и бессознательными процессами (которые по своей природе могут быть как когнитивными, так и аффективными), *производящими впечатление* частично независимых” [Op. cit.: 13]. Следует отметить, что в когнитивных исследованиях проблемы определения и исследования специфики аффективных феноменов решаются в связи с более общими теоретическими проблемами когнитивной психологии (как репрезентирована информация в памяти и что представляют собой процессы, которые работают с этими ментальными репрезентациями), поскольку “репрезентации в сознании в такой же мере важны для переживания и выражения эмоций. Эмоции “сообщают нечто” о чем-то (are “about” something) в нашем сознании, и эти репрезентации представляют собой интенциональные состояния. Несмотря на то, что они имеют материальную манифестацию в способе выражения и соответствующий физиологический компонент, **эмоции являются психическими состояниями (состояниями сознания (mind)), а не физическими состояниями (состояниями тела).** Они появляются в результате оценивания (appraising and evaluating) обстоятельств той

или иной ситуации с позиций некоторых убеждений, желаемых целей и планов. Поэтому большая часть эмоционального развития зависит от развития познания, необходимого для такого оценивания и для репрезентаций, которые выступают в качестве его продуктов” [Bloom 1993: 24].

Несмотря на то, что само понятие эмоции может трактоваться по-разному, и не имеется единой теории эмоций, в этой области исследования накоплен большой фактический материал, систематизация которого осуществляется через попытки классификации эмоций. Существующие классификации довольно многочисленны и разнообразны (см обзоры: [Мягкова 1990], [Kövecses 1990], [Ungerer & Schmid 1996] и др.), а основаниями для них, как правило, становятся названные выше признаки – физиологические или языковые корреляты, а иногда – и те, и другие [Ungerer & Schmid 1996: 131].

Если лингвистические работы, посвященные проблемам эмотивности языковых единиц часто опираются на психологические теории эмоций, психологические исследования, в свою очередь, часто проводятся на языковом материале, где в качестве объекта исследования выступают слова – названия эмоций или тексты, представляющие собой отчеты испытуемых о переживаемых или пережитых ими эмоциях (см., например, [Kövecses 1990], [Rollenhagen & Dalkvist 1989] и др.). Таким образом возникает замкнутый круг, в котором часто размываются границы между объектом и инструментом исследования. Тем не менее, “языковое выражение эмоций” [Ungerer & Schmid 1996: 131], или так называемый “эмоциональный лексикон” (замечу в скобках, что этот термин может иметь несколько значений; чаще всего, и мы будем далее придерживаться этого толкования, это словосочетание используется для обозначения слов - названий эмоций) преимущественно используется для классификации эмоций в традиционной психологии и для анализа эмоциональных концептов в когнитивных исследованиях как наиболее очевидное и доступное средство “фиксации” сложного и труднодоступного явления.

Однако упоминание об “эмоциональном лексиконе” выводит еще на одну проблему, которой целесообразно уделить внимание в связи с задачами настоящего исследования. Речь идет о проблеме так называемых “базовых” эмоций (см. обсуждение этого вопроса в: [Мягкова 1990]). Как и многие традиционные положения теории эмоций, эта проблема подвергается в последнее время пересмотру в связи с новыми экспериментальными данными и теоретическими разработками. В рамках имеющихся классификаций (в описании которых насчитывается огромное количество слов, называющих эмоции – например, в работе [Ungerer & Schmid 1996] имеется ссылка на [Johnson-Laird & Oatley 1989], где собраны 590 слов английского языка, называющих эмоции) конкретные эмоции различаются по сложности, частотности переживания, а также по целому ряду других характеристик. Однако в разряд базовых эмоций разными авторами включаются разные конкретные эмоции. Основанием для включения в эту группу является, как правило, утверждение от том, что некоторые эмоции являются базовыми в силу того, что они являются “простыми”, т.е. не разложимыми на составляющие, а все остальные эмоции являются производными от простых, или “базовых”. Таким образом, “базовые” эмоции обычно используются “в качестве некоторой системы отсчета для более маргинальных эмоций” [Ungerer 1995: 186].

Интересные данные относительно “базовости” эмоций получены в работе [Rollenhagen & Dalkvist 1989], где авторы исследовали когнитивную структуру 23 эмоциональных состояний. Результаты их исследования показали, что “все эти (фундаментальные, простые, или базовые – Е.М.) эмоции нельзя характеризовать как первичные, по крайней мере, с когнитивной точки зрения” [Op. cit.: 41], а также

позволили сделать вывод о том, что “эмоции различаются по отношению к “базовости”. Другими словами, некоторые эмоции оказываются более базовыми, чем другие” [Op. cit.: 43]. Н.Бранскомб считает, что имеется способ объяснить, почему “некоторые эмоции способ кажутся более “базовыми”, чем другие, без обращения к эволюционно-функциональным аргументам, которые характерны для эмоции” [Branscombe 1988:8]. Она отмечает, что существует множество исследований, в которых получены свидетельства того, как неоднократное переживание впечатлений от различных объектов или событий может привести к формированию схем, прототипов и скриптов. Поэтому можно считать, что имеется подтверждение некоторого явного совпадения (overlap) между схемами, скриптами и прототипами в когнитивных областях и знаниями людей об эмоциях [Op. cit.]. Ссылаясь на другие исследования в области психологи эмоций, автор подтверждает, что на протяжении своей жизни люди видят и сами переживают достаточное количество эмоциональных эпизодов, чтобы построить такие ментальные репрезентации для эмоций. Имеются также данные, подтверждающие наличие различных уровней эмоциональных категорий. “Согласно анализу Рош, люди, по-видимому, действительно имеют ментальную иерархию эмоций, которая меняется от абстрактного к конкретному, причем средний, или “базовый” уровень используется наиболее часто. То, что люди действительно категоризируют эмоциональные переживания, используя несколько категорий “базового” уровня, основанных на характерности и частоте использования в повседневных суждениях, не означает, что эти эмоции психологически отличаются от сотен других эмоций, которые включают более глобальные или более тонкие различия. Это подразумевает, однако, что мы категоризируем и обрабатываем эмоциональную информацию таким же образом, как и любой другой тип информации” [Op. cit.].

Итак, если традиционные теории эмоций разграничивали эмоции на основе физиологических коррелятов и выражений лица, то “более современные когнитивные теории разграничивают разные виды эмоций в соответствии с репрезентациями в сознании, которые их вызывают” [Bloom 1993: 24]. По мнению Н.Бранскомб, подходы к эмоции можно разделить на три общие группы. В первую входят теории, которые рассматривают эмоциональные и когнитивные процессы как фундаментально различные или как результат различных механизмов (“разносистемная” точка зрения); во вторую - когнитивные теории, которые особенно подчеркивают роль недифференцированного физиологического возбуждения в производстве эмоции (теории “когниция + возбуждение”; третью группу составляют когнитивные теории, которые не рассматривают физиологическое возбуждение как необходимое условие для производства эмоции (“односистемная” когнитивная точка зрения”) [Branscombe 1988: 5].

Несмотря на то, что подходы к исследованию эмоций могут быть различными, практически все они едины в одном: изложение теории или описание эксперимента обязательно содержит некоторый ряд названий эмоций, т.е. использует “эмоциональный лексикон”. Напомню, что в лингвистических исследованиях названия эмоций анализируются как специфическая область лексического состава языка (и противопоставляются так называемой эмоциональной лексике, т.е. словам, выражающим эмоции, как эмоционально нейтральные – см. об этом: [Мягкова 1990]). В психологических и когнитивных исследованиях слова подобного типа используются в качестве единственно возможного средства описания теоретических построений (см., например, [Ortony et al. 1988]), или же являются объектом исследования как “метки” абстрактных понятий и как средство доступа к стоящим за названиями эмоций концептам. Отображение концептуальной структуры понятий, в частности, структуры эмоциональных концептов, является в настоящее время весьма популярным.

Вполне понятно, что количественный и качественный состав “списков” эмоциональных концептов по данным разных публикаций будет очень разнообразным. Хотя А.Вежбицкая считает, что в лексиконе языка эмоциональные концепты “составляют когерентную и довольно замкнутую (хотя и нечетко определенную) когнитивную область с характерным и специфицируемым типом семантической структуры” [Wierzbicka 1996: 178], количество членов этого множества не поддается точному исчислению (ср., например, [Бабенко 1989], [Ungerer & Schmid 1996]), а предметом анализа чаще всего становятся названия эмоций, традиционно относимых к группе базовых, причем и их количество варьируется от исследования к исследованию. В таблице даются примеры списков названий эмоций по четырем публикациям.

Таблица

<i>Rollenhagen & Dalkvist 1989</i>	<i>Ungerer & Schmid 1996</i>	<i>Kövecses 1990</i>	<i>Ungerer 1995</i>
Anger disgust sadness fear anxiety feeling of failure helplessness humiliation disappointment jealousy shyness repentance shame happiness aesthetic experience attachment lust pride relief sentimentality hope curiosity surprise	anger joy love fear sadness disgust pride	anger fear ride respect romantic love emotion	sadness anger disgust/hate fear joy/happiness desire/love

Все эти (и другие) “списки”, однако, имеют несколько общих характеристик. Во-первых, названные в них эмоции чаще всего считаются общими для ряда (по мнению некоторых исследователей – всех) культур: представители разных культур “испытывают универсальные эмоции: гнев, радость, страх, счастье, горе, ненависть и др.” [Шаховский 1996: 30]. Во-вторых, эти эмоции обычно распределяются по “знаку”, т.е. попадают в разряд положительных, отрицательных или нейтральных (см. обсуждение этого вопроса в [Мягкова 1990]; а также о нейтральном аффекте см.: [Bloom 1993]). Обе эти характеристики, хотя и представляются на первый взгляд совершенно очевидными, требуют дополнительного обсуждения, и попытка такого обсуждения будет сделана в следующих разделах настоящей главы.

Учитывая цели дальнейшего исследования, целесообразно остановиться на том, как в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной психологии анализируются

эмоциональные концепты. Такой анализ имеет целью показать, что эмоции как явления психики имеют чрезвычайно сложную концептуальную структуру [Lakoff & Kövecses 1987], которая может быть выявлена путем описания языковых выражений, используемых носителями языка для обозначения и представления эмоций. В основе этого подхода лежит тезис о принципиальной возможности определения эмоций в терминах прототипической ситуации и прототипической реакции на нее. Как считает А.Вежбицкая, “без толкований такого рода невозможно было бы объяснить отношения между такими понятиями как “зависть”, “ревность”, “ненависть”, “презрение”, “жалость”, “восхищение” и т.д. Невозможно было бы также сравнивать (и интерпретировать) концепты эмоций в разных языках” [Вежбицкая 1996:216].

Анализ эмоциональных концептов может производиться в нескольких направлениях. Одно из них – построение “прототипического сценария, описывающего не столько внешнюю ситуацию, сколько весьма абстрактную когнитивную структуру: грубо говоря, чувствовать конкретную эмоцию – значит чувствовать так, как чувствует человек, у которого имеются определенные мысли, характерные для данной ситуации... Обычно (но не обязательно) эти мысли включают описания “делания” или “хэппенинга”, чего-то “хорошего” или “плохого”, “хотения” или “нехотения”. Многие слова, называющие эмоции, называют “плохие вещи”, которые происходят с людьми” [Wierzbicka 1996: 180]. Основанием для построения эмоциональных сценариев (“emotion scenarios”) может быть и то, что “общей для всех эмоций является последовательность нескольких фаз”, включающая причину, собственно эмоцию и следствие [Ungerer & Schmid 1996: 140]. Согласно такой точке зрения категорию эмоции следует рассматривать как организованную вокруг прототипа, который описывается следующей последовательностью состояний: состояние эмоционального покоя – причина возникновения эмоции – существование (действие) эмоции (эмоция возникает, проявляет себя, вызывает поведенческие реакции) – попытка контроля – утрата контроля - действие – состояние эмоционального покоя [Kövecses 1990:184-185].

Такие сценарии, или модели эмоций обычно строятся на основании анализа языковых средств, используемых для описания соответствующей эмоции. Предметом анализа в таком случае становятся метонимические и метафорические выражения, посредством которых с точки зрения когнитивной лингвистики осуществляется концептуализация эмоций. Использование таких языковых средств для анализа эмоциональных концептов может быть оправдано тем, что “в современных языках ... метафорические и метонимические переносы формируют особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов” [Клобуков, 1997:41]. При этом “перенос значения по модели “от физического процесса или состояния к внутреннему состоянию” особенно часто наблюдается в языковых средствах, обслуживающих поле эмоциональности, что, возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых эмоций, наследуемых человеком на генетическом уровне” [Op. cit.:42]. Связь между физиологическими симптомами и эмоциями может напоминать некоторые метонимические отображения (mappings), особенно в причинно-следственных соотношениях. Такие отношения наблюдаются в метонимиях типа +THE TONGUE STANDS FOR SPEECH+ или +THE HAND STANDS FOR WRITING+ [Ungerer & Schmid, 1996:131]. Именно на основании этого сходства может быть сформулирован общий “метонимический принцип”: +THE PHYSIOLOGICAL EFFECTS OF AN EMOTION STAND FOR THE EMOTION+ [Lakoff & Kövecses, 1987], на основании которого выводятся прямые соответствия между различными видами физиологических симптомов и лингвистического выражения эмоций. Анализ обширного языкового

материала (преимущественно идиом, базирующихся на метонимиях и метафорах) позволяет сделать вывод об исключительно сложной концептуальной структуре эмоций и построить их прототипические сценарии, например, такие как в [Lakoff & Kövecses, 1987] для ANGER на материале американского английского (следует отметить, что одной из характерных особенностей таких сценариев является довольно большой объем).

Несмотря на то, что авторы утверждают наличие описанной ими модели в семантике языка, они признают, что их метод построения концептуальных моделей оставляет открытыми множество весьма важных вопросов, в частности, насколько такая модель (построенная на основании собственных “интуитивных наблюдений” авторов – [Op. cit.: 221]) варьируется для носителей языка, и каков ее психологический статус. Некоторые исследователи отмечают также, что в связи с построением сценариев подобного рода возникает проблема: эти сценарии (например, такие, как предлагаются в [Lakoff & Kövecses, 1987]) подходят не для всех эмоций, а только для отрицательных [Ungerer & Schmid, 1996:140]. Кроме того, хотя при построении моделей подобного рода “целью является идентификация типичных мыслей или оценок, ассоциируемых с данной эмоцией, а не соответствующих внешних условий”, есть основания полагать, что многие слова – названия эмоций обозначают наряду с внутренними процессами (мыслями и оценками) и типичные ситуации, возбуждающие эмоции [Rollenhagen & Dalkvist 1989:2]. Отсюда становится понятным, что прототипические сценарии эмоций, о которых шла речь выше, дают достаточно обстоятельную картину “ненаучного” понимания эмоциональных категорий посредством их выражения в обычном языке, который люди обычно используют, говоря о своих эмоциональных переживаниях [Kövecses 1990:213]. Однако следует подчеркнуть, что в основном эта картина дает представление о понимании отдельных конкретных эмоций, но, на самом деле, очень мало говорит о структуре эмоции как психического явления, о специфике репрезентирования ее языком и о структурных взаимоотношениях между отдельными конкретными эмоциями (или теми явлениями, которые получили название в языке).

В этом отношении особый интерес представляет серия работ, выполненных учеными Стокгольмского университета [Rollenhagen & Dalkvist 1989], [Dalkvist & Rollenhagen 1989a, b]. Как считают авторы, структура эмоций, описываемая в рамках теории прототипов, несколько упрощена, хотя эта теория и дает о ней некоторое представление. В частности, представление о том, что названия эмоций могут концептуализироваться как образующие иерархическую структуру, а их категориальная система может рассматриваться как имеющая как вертикальную, так и горизонтальную структуру. Здесь “вертикальная размерность представляет древовидную иерархию от абстрактного к конкретному, а горизонтальная размерность разграничивает категории одного и того же уровня абстракции. Вертикальная размерность часто анализируется в терминах трех основных уровней обобщения: суперординатного, базисного и субординатного” [Rollenhagen & Dalkvist 1989:39-40]. Полученные в указанной серии работ результаты позволяют сделать вывод о том, что структура эмоции включает, по-видимому, более трех уровней и не древовидна, а включает пересекающиеся категории одного уровня абстракции. Кроме того, идея базового уровня абстракции кажется авторам весьма условной. Остается также неясным, как с точки зрения психологии следует интерпретировать иерархическую организацию названий эмоций. “Согласно одной интерпретации, каждый узел представляет конкретное эмоциональное переживание (experience). Эта интерпретация подразумевает, что на абстрактном уровне узел представляет переживание, включающее относительно немного элементов, в то время как узел на конкретном уровне представляет более сложное переживание. В другой интерпретации

иерархическая организация ЭТ является по существу языковой” [Op. cit.: 40]. Сами авторы считают, что решающим для классификации следует считать фокус внимания: абстрактные названия эмоций указывают на направление внимания на абстрактный когнитивный или некоторый другой эмоциональный объект, а названия низкого уровня абстракции – на сложный и специфический объект [Op. cit.].

Как видно из сказанного выше, когнитивные исследования также далеки от создания более или менее полной (единой) теории эмоциональных явлений. Созданные на базе этих исследований описания эмоциональных концептов все же не дают представления о том, какую внутреннюю организацию отражают имеющиеся в языке названия эмоций, почему наблюдается тенденция к их иерархической организации и могут ли эти названия быть систематизированы в единую непротиворечивую систему. Часто оказывается, что “некоторые эмоциональные концепты (например, ГОРДОСТЬ и УВАЖЕНИЕ в отличие от ГНЕВА) не укладываются в рамки описанного прототипа, что делает их “очень плохими примерами эмоции” [Kövecses 1990:194]. Даже если концептуальная структура эмоций раскрывается метафорами и метонимиями, и действует принцип компенсации, то есть в совокупности метафоры и метонимии могут составлять некоторую концептуальную субстанцию для определенных категорий эмоций, “они не могут использоваться как способ разграничения этих категорий таким же образом, как признаки используются для разграничения категорий объектов, таких как СТОЛ и СТУЛ” [Ungerer & Schmid, 1996:136]. Тем не менее, с одной стороны, сами описания эмоциональных концептов представляют богатейший языковой материал, который может оказаться весьма полезным для дальнейших исследований, особенно выполняемых в рамках психолингвистической парадигмы, а с другой стороны, обсуждавшиеся выше выводы во многом согласуются с более ранними психологическими и лингвистическими теориями, пусть и в плане отрицательных результатов.

Все эти проблемы представляют особый интерес в связи исследованием, направленным на выявление характера и специфики того, что в упомянутой уже работе [Мягкова, 1990] было названо эмоциональной нагрузкой слова (ЭНС). Напомним, что именно в процессе подготовки этого исследования был сделан обзор психологических работ, посвященных проблеме определения сущности и классификации эмоций, и тогда же впервые пришлось задуматься над обсуждавшимися выше вопросами. Необходимость обращения к психологическим теориям и лингвистическим классификациям эмоций была обусловлена тем, что нашей целью было выяснить, какое место занимают эмоции в психологической структуре значения слова, в каком виде они представлены на вербальном уровне, и можно ли соотнести выявляемые компоненты значения с традиционными классификаторами – названиями эмоций. В контексте этого исследования, реализуемого в рамках психолингвистической теории слова как единицы индивидуального лексикона и средства доступа к единой информационной базе человека [Залевская, 1990] ЭНС трактовалась как любое проявление отношения индивида к тому, что называет воспринимаемое или используемое им слово. Это рабочее определение и сам термин “эмоциональная нагрузка слова” использовались для того, чтобы четко определить задачи и границы исследования и избежать неоднозначности в трактовке привычных терминов (“эмотивное значение”, “коннотативное значение” и т.п.), оставаясь в рамках избранной научной парадигмы. Результаты эксперимента, проведенного с использованием модифицированной методики семантического дифференциала Ч.Осгуда (в качестве шкал для оценки 44 слов экспериментального списка использовались 20 самых частотных по ряду классификаций названий эмоций), позволили представить ЭНС в виде гипотетического семантического пространства, образованного факторами *отрицательного отношения*,

категоричности отношения (отрицательного и положительного), некомфортности и степени выраженности отношения (отрицательного и положительного).

Одним из основных выводов по результатам эксперимента было положение о наличии эмоциональной нагрузки у всех слов (ср. также [Кинцель 1997], [Пищальникова 1996] относительно эмоциональности текста). Таким образом, было показано, что для носителя языка, который, как правило, не отличает слово от того, что оно обозначает [Мягкова 1990:36], каждое используемое или воспринимаемое им слово сразу же включается в “контекст” всего предшествующего опыта [Залевская 1982:11] и, следовательно, несет в себе как сиюминутные отношения, так и “следы” прошлых впечатлений, оценок и переживаний. Психолингвистический подход к исследованию значения позволяет выявить те его стороны, которые не обнаруживаются, например, при анализе в рамках лингвистического подхода, согласно которому лишь определенная часть лексических единиц обладает дополнительным эмоциональным значением (см. обсуждение этого вопроса в [Мягкова 1990]).

Еще один очень важный вывод касался специфики выделенных факторов, образующих семантическое пространство ЭНС. Оказалось, что эти факторы очень неоднородны. Объяснением этой неоднородности может быть, в первую очередь, очень тесная связь и потенциальное равноправие компонентов/параметров ЭНС, в силу чего оказывается практически невозможно выделить каждый из них “в чистом виде”, тем более однозначно и полно его описать. Понятно, что логичным продолжением таких рассуждений была постановка вопроса о целесообразности такого разграничения (или противопоставления) этих компонентов/параметров.

Кроме того, выше говорилось о том, что большинство исследователей указывают на некоторые общие характеристики эмоций, а именно: социально-культурную обусловленность (универсальность одних и специфичность других), распределение по знаку (отрицательные, положительные, нейтральные), а также связь с оценкой (неразрывность или противопоставление). Результаты экспериментального исследования [Op. cit.] убедительно показали неразрывную связь эмоциональности и оценочности и, следовательно, наличие положительной, отрицательной и нейтральной ЭНС. Оказалось также, что при сравнении экспериментальных данных с материалами лингвистических и ассоциативных словарей прослеживается тенденция к подвижности ЭНС, ее изменению с течением времени и в зависимости от возраста и социальной принадлежности информантов. Можно предположить и то, что такие изменения будут обнаруживаться при анализе ЭНС на материале разных языков и, соответственно, разных этнокультурных общностей.

В целом эти данные достаточно хорошо согласуются с выводами многих авторов психологических исследований о структуре семантического пространства эмоций (ср., например, [Dalkvist & Rollenhagen, 1989a; 1989b]). Однако, поскольку исследование ЭНС проводилось как один из начальных этапов изучения эмоциональных характеристик единиц лексикона, представляется необходимым высказать некоторые соображения по поводу перспектив дальнейшего исследования.

Проблема в том, что использованное в описанном выше исследовании весьма “приблизительное” рабочее определение ЭНС дало возможность обсуждать проблемы эмоциональности слова как единицы индивидуального лексикона в самом общем виде, но при этом избежать исчерпывающего определения собственно предмета исследования. С одной стороны, это объясняется сложностью самой проблемы: если мы обращаемся к изучению психического феномена, и основываем свои изыскания на данных психологии эмоций, в которой (вспомним слова В.К.Вилюнаса, приведенные в первом разделе настоящей главы - [Вилюнас 1989:50]) вопрос об объекте также не разработан, дать такое определение будет чрезвычайно сложно. С другой стороны, это

дало возможность получить предварительные данные, которые могут подсказать, в каком направлении следует продолжать поиск и на что необходимо обратить внимание.

Для выяснения вопроса о том, как представлены эмоции в структуре значения слова как единицы индивидуального лексикона, необходимо, прежде всего, определить, что, собственно, мы собираемся исследовать. С этой целью придется еще раз обратиться к психологическим исследованиям эмоций, но сделать акцент на других аспектах проблемы. Прежде всего, следует согласиться с тем, что, говоря об эмоциях, мы имеем в виду исключительно сложный феномен, не поддающийся непосредственному наблюдению. Отличительной чертой всех явлений, связанных с аффективной стороной психики человека, является то, что задействованные в ней процессы осуществляются на разных уровнях осознания [Хомская, Батова, 1998]. Кроме того, и именно в силу этого, очень трудно в каждом конкретном случае разделить, например, аффективную и когнитивную стороны деятельности, поскольку “сами эмоции человека представляют единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального” [Рубинштейн, 1989б: 141]. Говоря об эмоциональных характеристиках слова как единицы лексикона, следует иметь в виду, что как средство доступа к единому информационному тезаурусу [Залевская 1990] слово задействует разнообразные психические процессы и результаты этих процессов, в которых эмоциональное и интеллектуальное представляют неразделимое целое.

Для того, чтобы представить, что составляет основу эмоциональности слова, полезно обратиться к понятию переживания, обсуждаемому в разрабатываемой в отечественной психологии теории деятельности.

“Всякий психический факт – это и кусок реальной действительности и отражение действительности – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением – единством реального и идеального... Эти два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание...” [Рубинштейн, 1989а: 3] По мнению В.К.Вилюнаса, “противопоставление переживания и отражаемого содержания (образов, знаний) является относительным, так как в целостных психических явлениях эти два полюса всегда выступают в диалектическом единстве формы и содержания” [Вилюнас, 1989: 53]. При этом речь идет не только о высшей форме отражения – сознании, поскольку в виде переживания и знания в психике человека обнаруживаются моменты, “в тех или иных формах представленные даже в совсем элементарных психических образованиях” [Рубинштейн, 1989а: 13]. В.К.Вилюнас считает, что основы концепции субъективного переживания были заложены еще В.Вундтом в его трехмерной теории эмоций (замечу в скобках, что именно вундтовские три аспекта эмоций – удовольствие/неудовольствие, возбуждение/успокоение и напряжение/разрядка – получают подтверждение в многочисленных экспериментальных исследованиях, использующих метод семантического дифференциала). Автор делает вывод о том, что “в субъективном образе всякое содержание получает двойное отражение: на основе тех или иных когнитивных характеристик и, кроме того, в виде чувств-переживаний... пережить – это значит не просто субъективно испытать, а испытать непременно особо, как-то специфически, и это “как-то” непосредственно схватывается субъектом на изначально ему доступном сложном языке, который только в развитых формах психики становится *частично* вербализуемым, причем с *иллюзией* принадлежности вербализованных отстоявшихся форм исключительно полюсу знания и объекта” ([Вилюнас, 1989: 55]; выделено мной – Е.М.). Именно на основе таких чувств-переживаний и формируются эмоциональные реакции, которые мы привыкли называть собственно эмоциями.

Выше уже говорилось о трудности определения самого феномена эмоции. Критикуя существующие определения как недостаточные, Л.М.Веккер считает, что шагом вперед на пути определения сущности эмоциональных явлений будет их определение как **“отражения** отношений субъекта к объектам окружающей реальности” [Веккер 1998:374; разрядка моя – Е.М.]. Именно с представлением об эмоциональных процессах как отражении отношений автор связывает понятие переживания: “Если эмоции действительно представляют собой непосредственное психическое отражение отношения субъекта к внешним объектам и если вместе с тем ... такое отражение отношений необособимо от непосредственного же отражения его членов, т.е. его объекта и субъекта, то это значит, что в высших эмоциях человека, которые являются отражением отношения именно психического субъекта к соответствующим объектам, непосредственно отражаются психические состояния психического же субъекта. Иными словами, высшие эмоции, ближайшим носителем которых является психический субъект, не просто осознаются или осмысливаются, а именно непосредственно переживаются последним. Переживание по исходному смыслу этого понятия есть именно непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний, а не свойств и отношений внешних объектов, поскольку даже непосредственное психическое отражение свойств и отношений внешних объектов есть знание об этих свойствах и отношениях, а не переживание в собственном смысле этого понятия” [Op. cit.:381]. Такое представление об эмоции предполагает двухкомпонентность ее структурной формулы, одним из членов которой является психическое отражение объекта эмоции, а вторым – психическое отражение ее субъекта-носителя [Op. cit.:376]. Учет такой двухкомпонентности эмоциональных явлений позволяет разрешить многие проблемы, связанные с интерпретацией поведенческих и вербальных коррелятов эмоций, в частности, их амбивалентных характеристик (см. об этом: [Мягкова 1990]). При этом получается, что “психологический состав двухкомпонентной эмоциональной единицы содержит в своей полимодальной структуре элементы внешнего и внутреннего опыта, экстроспекиции и интроспекиции, отображающие, соответственно, как объект эмоции, так и состояние ее носителя. Каждому из этих органически взаимосвязанных компонентов принадлежит своя особая роль в структуре психической ткани эмоционального гештальта” [Веккер 1998:393]. Л.М.Веккер указывает также на специфичность эмоции относительно других психических процессов, состоящую в том, что “эмоциональные процессы одновременно являются наиболее плотскими, соматичными, объективно физиологически выраженными и вместе с тем наиболее субъективно психологичными психическими явлениями, ближе всего примыкающими к самым интимным тайникам структуры субъекта как носителя психики” [Op. cit.:377].

В той же работе автор, обсуждая проблемы функционирования речи как “специфического интегратора человеческой психики”, говорит также и том, что словесные образы как частная форма психических образов подчиняются общим закономерностям сенсорно-перцептивного психического отражения (обладают пространственно-временными, модальными и интенсивностными характеристиками, им присущи целостность, константность и обобщенность) [Op. cit.:609]. Следовательно, эти образы должны включать в себя и отражение отношений, о которых говорилось выше.

Сформулированное В.К.Вилюнасом представление о чувствах-переживаниях хорошо согласуется не только с концепцией Л.М.Веккера, но и с понятием чувственной ткани в модели образа сознания (“психосемиотическом тетраэдре”) Ф.Е.Василюка [Василюк, 1993]. В его концепции чувственная ткань, которая является многомерной субстанцией, - это “особая внутренняя “составляющая” образа, его живая плазма... в

чувственной ткани может быть усмотрено несколько парадоксальное свойство: она является чем-то единым, и в то же время вовсе не гомогенным, а достаточно дифференцированным, сгущаясь вблизи полюсов образа и получая здесь сильные, специфические для каждого полюса характеристики. Вдали же от зон сгущения легко предположить наличие интерференций чувственных тканей, идущих от разных полюсов” [Op. cit.: 18]. “Полюсы” образа в обсуждаемой модели представлены предметным содержанием образа, личностным смыслом (чувственной тканью которого являются эмоции), значением и словом (знаком), причем эти полюсы являются представителями предметного мира, внутреннего мира, мира культуры и мира языка соответственно.

Таким образом, на уровне, исследуемом лингвистикой, в слове фиксируется то, что выводится на уровень сознания через полюс культуры и получило свое название в языке, поскольку именно посредством речи как “специфического интегратора” человеческая психика переводится на уровень сознания [Веккер 1998:614]. Понятно, что эмоции социально и культурно детерминированы: “Социальная детерминация (через вид психической деятельности) объясняет возникновение той или иной эмоции. Культурно-историческая детерминация определяет также и формы выражения эмоций, процессы их саморегуляции” [Хомская, Батова, 1998: 12]. И хотя, как уже упоминалось, представители разных культур испытывают универсальные эмоции, “распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность, акцентирование в речевых актах различно как на уровне языковой личности, так и на национально-культурном уровне [Шаховский 1996:30].

Понятно также, что в поле зрения лингвистики попадает лишь небольшая часть “отстоявшихся” явлений. Тем не менее, говоря о том, что каждое слово отображает переживание, мы должны иметь в виду и “спрятанные”, неосознаваемые эмоции (которые “растворяются” в чувственной ткани). С психолингвистической точки зрения, таким образом, каждое слово “выводит” нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены сознанием и дифференцированы. Более того, “не только ребенок, но и взрослый человек многие “житейские” понятия скорее чувствует, чем знает”, поскольку обладает некоторой “обобщенной чувственной инвариантой” [Вилюнас, 1989: 56]. Осмелюсь предположить, что это утверждение справедливо не только по отношению к “житейским” понятиям, но и к огромному количеству слов другого характера, например, к сложным абстрактным понятиям, заимствованным словам и (как ни странно) научным терминам.

На основании сказанного выше представляется возможным сделать вывод о том, что феномен, обсуждаемый в психолингвистических исследованиях как эмоциональный компонент значения слова как единицы лексикона, представляет собой комплекс связанных со словом переживаний. Основными характеристиками этого комплекса будут его *нерасчлененность* (т.е. невозможность выделить в “чистом виде” его составляющие и отделить их друг от друга – это можно сделать лишь гипотетически), разный уровень *осознаваемости* составляющих его элементов, разный уровень *социальной и этнокультурной опосредованности*, а также индивидуальная специфика процессов репрезентирования информации. В этом комплексе соединяются как сиюминутные субъективные впечатления, так и опосредованные культурой отношения и эмоции. В основу дальнейшего исследования ставится, таким образом, гипотеза о *принципиальной возможности* описания этого феномена. Проверка этой гипотезы потребует, однако, уточнения основных понятий и разработки терминологического аппарата.

Для выяснения статуса и специфики связанных со словом (эмоциональных) переживаний необходимо рассмотреть целый ряд вопросов.

Прежде всего, стоит попытаться проследить, какую роль аффект играет в формировании единой базы знаний и в становлении значения слова. Для этого необходимо рассмотреть различные модели овладения языком. Особый интерес представляют модели, в которых реализуется интегративный подход к процессу языкового развития ребенка. Например, Л.Блум считает, что “сердцевину развития, которое приводит ребенка к языковому порогу на втором году жизни, представляет **интеграция аффекта, познания и социальных связей с другими людьми**. Дети овладевают языком прежде всего потому, что они пытаются установить межсубъектные отношения с другими личностями, чтобы разделять с ними свои чувствования и мысли” [Bloom 1993:245]. Её модель фокусирует внимание на репрезентациях интенциональных состояний, которые лежат за актами выражения и интерпретирования того, ради чего усваивается язык. Не случайно **познание, аффект и социальные связи** между ребенком и другими людьми составляют три базовых компонента модели. Л.Блум специально отмечает, что “слова разными способами интегрированы в аффективную жизнь ребенка — как эмоционально окрашенную, так и нейтрально-аффективную. Усвоение слов изначально связано с эмоциональной жизнью ребенка, поскольку дети научаются языку для того, чтобы говорить о вещах, к которым относятся их чувства: о людях, объектах и событиях, составляющих причину и обстоятельства для возникновения эмоций. Но выражение эмоций и усвоение слов требуют взаимодействия между познанием и аффектом, и результатом такого взаимодействия оказываются состояния нейтрального аффекта. Нейтральный аффект обеспечивает состояния внимания, необходимые для конструирования ментальных значений для планирования того, как *говорить* слова в актах выражения и для *научения* словам в актах интерпретации” [Op. cit.:263-264]. Интересными в этом отношении являются наблюдения Дж.Эйтчисон об избирательном использовании детьми слов в зависимости от того, какие слова им нравятся или не нравятся [Aitchison 1987:89-90]. Целесообразно было бы проследить, как фиксируются связанные со словом эмоциональные впечатления на разных этапах овладения языком. Понятно, что не все эти впечатления сопровождаются пониманием и выводятся на уровень сознания, но от этого они “не перестают быть” психической реальностью [Веккер 1998:228]. Именно поэтому оказывается настолько трудным выявить специфические характеристики эмоциональности и каким-либо образом их формализовать.

В связи с проблемами языкового развития ребенка можно обозначить еще один важный аспект проблемы: участие аффекта в процессах категоризации (в частности, выбора оснований для формирования категорий – см., например [Neisser 1987a,b], [Lakoff 1987], [Keil 1987]), поскольку детские начальные категории базового уровня могут не совпадать с соответствующими категориями взрослых в силу специфических предпочтений в выборе признака детьми ([Mervis 1987]; см. также о неосознанных эмоциональных переживаниях субъективной эквивалентности некоторых объектов, действий, признаков в [Залевская 1999]).

Далее придется уточнить, каким образом связанные со словом переживания могут фиксироваться в индивидуальной картине мира, какие из них будут примерно одинаковыми (общими) для всех (или большинства) носителей данного языка, а какие – индивидуальными. Следует также обратить внимание и на то, каким образом меняется эмоциональный ореол слова в процессе жизни человека и от чего могут зависеть эти изменения. Иначе говоря, необходимо представить, как “встраивается” чувственная ткань в стоящий за словом “образ сознания” [Василюк, 1993] и как из этой чувственной ткани “вырастают” описываемые языком эмоции.

Поскольку, как уже было сказано, с психолингвистической точки зрения слово “выводит” нас в сложный мир переживаний, которые не всегда могут быть отображены

сознанием и дифференцированы, естественно предположить и даже утверждать, что комплексное переживание, связанное со словом вряд ли может быть дифференцировано таким образом, как это принято делать в лингвистических исследованиях. Когда мы говорим о том, что какое-то конкретное слово выражает определенную эмоцию, например, гнев, радость и т.п., мы пытаемся зафиксировать лишь часть связанного с этим словом переживания. На самом же деле это комплексное переживание представляет собой совокупность результатов самых разных процессов, протекающих на разных уровнях, создающую иллюзию амодальности (см.: [Вилюнас 1989]; [Веккер 1998]), включающую отражение объектных и субъектных отношений, тесно связанную с потребностями, ценностями и оценками (см., например, [Арутюнова 1988]).

Естественно, что при проверке гипотезы о принципиальной возможности описания этого сложного явления самая главная трудность будет состоять в выборе метода, точнее методик исследования. Логично предположить, что специфика эмоционального компонента значения единиц индивидуального лексикона может быть выявлена экспериментальными методами (как это подтверждают многочисленные исследования – см. обзоры: [Мягкова 1990], [Перфильева 1997]). Вероятно, достоверные данные могут быть получены при использовании различных модификаций семантического дифференциала и других вариантов метода шкалирования.

Интересные результаты в плане изучения стоящих за словом эмоциональных переживаний получены в процессе исследования аналогий и, в частности, концептуальных метафор, которое в последнее время приобретает все большую актуальность (см., например, [Thagard 1998], [Turner 1995], [Turner & Fauconnier 1995]). Представляется, что использование метафорических выражений в качестве языкового материала при анализе эмоционального компонента значения слова как единицы индивидуального лексикона может дать интересные результаты. Так, например, именно метафора может позволить выявить двойственность и амбивалентность переживания отношения: называя кого-нибудь или что-нибудь “плохим” словом, человек может одновременно испытывать удовлетворение от удачно найденной аналогии.

Отдельную проблему представляет терминология. В рамках психолингвистического исследования часто все же приходится использовать “занятые” термины (об этом уже говорилось в самом начале обсуждения), что не всегда позволяет избежать неоднозначности. Используемый в предварительном исследовании термин ЭНС не только слишком громоздкий (и неблагозвучный), но и не вполне отражает специфику обозначенного предмета исследования. Таким образом, разработка терминологического аппарата также должна стать одним из этапов дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
3. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993, № 5. С.5 - 19.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
5. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
6. Вилюнас В.К. Перспективы развития психологии эмоций // Тенденции развития психологической науки. М., 1989. С. 46-60.

7. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики. Калинин, 1982.
8. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
10. Кинцель А.В. Эмоциональность текста как основа единства его связности и цельности // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 1997. Вып.2. С.81-87.
11. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 1997. Вып.2. С.41-47.
12. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А.Карпенко; Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М., 1985.
13. Мягкова Е.Ю. Эмотивность и эмоциональность: две научные парадигмы // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988.С.73-79.
14. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
15. Перфильева С.Ю. Специфика значения слов – названий эмоций в английском и русском языках. Дипломная работа. Курск, 1997.
16. Пищальникова В.А. Доминантная эстетизированная эмоция как суггестивный компонент художественного текста // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 1996. №2. С.12-15.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т.1. М., 1989а.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т.2. М., 1989б.
19. Симпозиум X – Психолингвистика и межкультурная коммуникация. Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
20. Симпозиум XII – XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации “Языковое сознание и образ мира”. М., 1997 .
21. Фомина З.Е. Лексико-семантические группы глаголов действия с эмоционально-оценочным компонентом // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж, 1996. С.45-54.
22. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование. М., 1998.
23. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
24. Шаховский В.И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность. Материалы Всерос. науч. конф. (Пенза, 23-26 октября 1996 г.). М., 1996. Вып.1. С.29-30.
25. Aitchison J. Words in the mind. An introduction to the mental lexicon. New York: Basil Blackwell, 1987.
26. Bloom L. The transition from infancy to language. Acquiring the power of expression. New York: Cambridge University Press, 1993.
27. Branscombe N.R. Conscious and unconscious processing of affective and cognitive information // Fiedler K. & Forgas J. (Eds.). Affect, cognition and social behavior. Toronto, etc.: C.J.Hogrefe. 1988. P.3-24.
28. Dalkvist J., Rollenhagen C. On the cognitive aspect of emotions: a review and a model // Reports from the Department of Psychology, University of Stockholm, 1989a, No. 703.

29. Dalkvist J., Rollenhagen C. Three aspects of emotion awareness: feeling, perceived bodily reaction and cognition // Reports from the Department of Psychology, University of Stockholm, 1989b, No. 709.
30. Ellis H.S. & Ashbrook P.W. Resource allocation of the effects of depressed mood states on memory // Fiedler K. & Forgas J. (Eds.). Affect, cognition and social behavior. Toronto, etc.: C.J.Hogrefe. 1988. P.25-43.
31. Johnson-Laird P. & Oatley K. The language of emotions: an analysis of a semantic field. Cognition and emotion . 1989. №6. P.201-223.
32. Keil F.C. Conceptual development and category structure // Neisser U. (Ed.) Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1987(a). P.175-200.
33. Kövecses Z. Emotion concepts. New York, etc.: Springer-Verlag, 1990.
34. Lakoff G. Cognitive models and prototype theory // Neisser U. (Ed.) Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1987(a). P.63-100.
35. Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P.195-221.
36. Mayer J.D., Salovey P. Personality moderates the interaction of mood and cognition // Fiedler K. & Forgas J. (Eds.) Affect, cognition and social behavior. New evidence and integrative attempts. Toronto, etc.: C.J.Hogrefe, 1988. P.87-99.
37. Mervis C.B. Child-basic object categories and early lexical development // Neisser U. (Ed.) Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1987(a). P.201-233.
38. Neisser U. Introduction: The ecological and intellectual bases of categorization // Neisser U. (Ed.) Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1987(a). P.3-10.
39. Neisser U. From direct perception to conceptual structure // Neisser U. (Ed.) Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1987(b). P.11-24.
40. Ortony A., Clore G.L., Collins A. The cognitive structure of emotions. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 1988.
41. Rollenhagen C., Dalkvist J. Cognitive contents in emotions: A content analysis of retrospective reports of emotional situations // Reports from the Department of Psychology, University of Stockholm, 1989, No. 702.
42. Schwarz N., Clore G.L. How do I feel about it? The informative function of affective states // Fiedler K. & Forgas J. (Eds.) Affect, cognition and social behavior. New evidence and integrative attempts. Toronto, etc.: C.J.Hogrefe, 1988. P. 44-62.
43. Thagard P. Emotional analogies and analogical inference // Holyoak K., Gentner D. & Kokinov B. (Eds.). Advances in analogy research: interaction of theory and data from the cognitive, computational, and neural sciences. Sofia: New Bulgarian University, 1998. P.74-85.
44. Turner M. Design for a theory of meaning // Overton W. & Palermo D. (Eds.). The nature and ontogenesis of meaning. Erlbaum, 1994. Pp.91-107. <http://www.wam.umd.edu/~mturn/WWW/design.html>
45. Turner M. & Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol.10. №3. <http://metaphor.uoregon.edu/turner.htm>

46. Ungerer F. The linguistic and cognitive relevance of basic emotions // Dirven R. & Vanparys J. (Eds.). Current approaches to the lexicon. Frankfurt am Main, etc.: Peter Lang, 1995. P.85-209.
47. Ungerer F. & Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. London and New York: Longman, 1996.
48. Wierzbicka A. Semantics. Primes and universals/ Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.